

Н.М. Бурик**Пропаганда псевдорелигиозных обрядов на страницах газет Алтая первой половины 1920-х годов.**

Экзистенциальный опыт подразумевает под собой область уникальных, предельных ситуаций и переживаний, которые меняют внутренний мир человека¹. Трагичность его заключается в том, что это опыт индивидуальной катастрофы, раздвоения личности, когда меняются ценности и рушится привычная система убеждений. Человек оказывается в ситуации потерянного бытия². Такая ситуация сложилась после революции 1917 г.: большевистское правительство утвердило курс на ликвидацию религии и ее структурных элементов, взамен предложив новую идеологию. Период с 1917 по 1921 г. характеризуется жестоким и бессистемным преследованием духовенства и верующих³. Основным документом в отношении церкви стал декрет Совнаркома РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданный в 1918 г. Однако, например, в рапортах на имя архиепископа Архангельской епархии в 1921 г. сообщалось, что, несмотря на лишения в годы революции и Гражданской войны, начавшуюся антирелигиозную пропаганду, аресты священников и ликвидацию некоторых храмов в епархии, отношение верующих к духовенству в большинстве приходов было «...очень дружественное, отзывчивое к нуждам своих пастырей»⁴. То есть резкого отречения общества от веры и перехода к атеизму не происходило.

С 1922 по 1928 г. органы государственной власти осуществили две антирелигиозные акции: изъятие богослужебного имущества для борьбы с голодом в Поволжье и обновленческий раскол⁵. В этот период во многих приходах наблюдалась ветхость и разруха, малочисленность прихожан.

Вопрос о подмене религиозного сознания на коммунистическое изучался многими историками. Так, по мнению Л.И. Сосковец, советская власть создала новую парадигму для объединения общества – социализм. Это учение являлось воплощением религиозной системы представлений о мире, которую можно обозначить

Бурик Наталья Михайловна, аспирант Алтайской государственной педагогической академии. Эл. почта: nata-altai@rambler.ru

¹ *Калюжная Н.А.* Философский анализ опыта: экзистенциальные аспекты // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 165.

² Там же. С. 169.

³ *Мезенцев Р.В.* Взаимоотношения органов государственной власти православной церкви на Алтае в 1917–1940 гг. // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории Государства Российского. Бийск, 2006. С. 185.

⁴ *Бардилова Ю.П.* Религиозная жизнь в приходах Архангельской епархии в 1920-е гг. по рапортам, отчетам и письмам священнослужителей // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Иваново, 2010. Ч. 1. С. 46.

⁵ *Мезенцев Р.В.* Взаимоотношения органов государственной власти православной церкви на Алтае в 1917–1940 гг. // Социокультурное взаимодействие алтайского и русского народов в истории Государства Российского. Бийск, 2006. С. 185.

как псевдорелигия, квазирелигия, парарелигия¹, гражданская религия² и т.д. С этой точкой зрения нельзя не согласиться, так как после революции большая часть населения к моменту внедрения большевистской идеологии все еще была ориентирована на самодержавный режим и религию. Новый идеологический комплекс необходимо было адаптировать к конкретно-историческим условиям РСФСР (с 1922 года в составе СССР) и типу массового сознания ее населения. Одной из составляющих частей являлось обличение традиционных христианских ценностей и норм в коммунистические формы.

Становление советской культуры, быта и традиций в 1920–1930-е годы исследовала В.В. Дронова³. Она пришла к выводу о том, что антирелигиозная пропаганда была мощнейшим оружием в политическом и идеологическом воспитании общества. Однако новые обряды, по ее мнению, воспринимались не всем населением, так как у большевиков была слаба теоретическая база для внедрения новых идей. Это постепенно привело к угасанию атеистического энтузиазма в 1930-е годы. О.Л. Малышева детально рассмотрела конфессиональную политику в Татарстане в 1920–1930-е годы: изъятие церковных ценностей, деятельность «Союза безбожников», дискредитацию церковных праздников и внедрение новых традиций⁴. Ф.Н. Козлов акцентировал свое внимание на роли комсомольцев в различных антирелигиозных кампаниях первых лет советской власти. В первую очередь, он привел примеры замены церковных ритуалов и традиций советской обрядностью⁵.

Целью данной статьи является анализ псевдорелигиозных обрядов, пропагандировавшихся газетной прессой Алтая первой половины 1920-х годов в противовес традиционным христианским. Именно в этот период в условиях послереволюционных преобразований началась трансформация народных представлений о религии. Население Алтая в силу территориальной отдаленности от Европейской части РСФСР не являлось той интеллектуальной, духовной силой, которая могла мгновенно реагировать на идеологические и мировоззренческие воздействия со стороны партии большевиков. В связи с этим, изучение процессов эволюции общественного сознания в этом регионе республики представляет большой интерес.

Пресса была одним из главных проводников квазирелигии, поэтому в качестве основного источника выбраны самые крупные газеты Алтая первой половины

¹ *Сосковец Л.И.* Общественное сознание в эпоху трансформаций: религия и коммунистическая идеология // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Томск, 2007. С. 35.

² *Великанова О.В.* Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 163.

³ *Дронова В.В.* Социокультурная модернизация советского государства в рамках антирелигиозной политики в 1920–1930 годы. (на примере Тобольской епархии) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X междунар. науч. конф. Иваново, 16–17 февраля 2010 г. Ч. 2. Иваново, 2010. С. 64–69.

⁴ *Малышева О.Л.* Государственное проектирование конфессиональной политики в Татарстане в 1920–1930-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX века... Ч. 1. Иваново, 2011. С. 528–534.

⁵ *Козлов Ф.Н.* Комсомол и антирелигиозная пропаганда первых лет советской власти (по материалам Чувашии) // Государство, общество, церковь в истории России XX века... Ч. 2. Иваново, 2010. С. 86–92.

1920-х годов: «Красный Алтай», «Красная степь», «Алтайская деревня», «Молодежь Алтая», «Звезда Алтая».

24 января 1920 г. газету «Власть Советов» переименовали в «Алтайский коммунист»¹, а уже в 1921 г. она получила название «Красный Алтай», став самой массовой газетой Алтая в первой половине 1920-х годов. Она издавалась ежедневно Алтгубисполкомом. «Красный Алтай» предназначался и для рабочих, и для крестьян. В общей сложности данную газету читало около 1 млн. жителей.

Она выходила достаточно большим тиражом: от 2,5 тыс. в 1921 г.² и до 8 тыс. экземпляров в 1925 г.³ Для сравнения приведем данные тиражности других газет, издаваемых в рассматриваемый период: тираж газеты «Красная степь» в 1922–1923 гг. не превышал 725 экземпляров⁴, тираж «Молодежи Алтая» (с марта 1925 г. «Крестьянская молодежь») в 1925 г. – 2,5 тыс. экземпляров⁵, а «Звезды Алтая» в 1925 г. – 2 950 экземпляров⁶ и т.д.

Ведущим редактором «Красного Алтая» в 1920-е годы был П.Ф. Запорожский, работавший в журналистской сфере с 1917 г. (выходец из крестьянской семьи, член РКП(б) с 1919 г.⁷).

Стоимость газеты варьировалась. Крестьяне, профессиональные и партийные организации, а также учителя приобретали «Красный Алтай» за 60 коп. в месяц, для остальных подписчиков стоимость составляла один рубль. Льготная подписка для деревни была ниже коллективной рабочей подписки – 75 коп., практиковалась рассрочка и кредит от одного до трех месяцев⁸.

На заседании Агитколлегии Горрайкома РКП 12 января 1924 г. в докладе П.Ф. Запорожского было сказано, что каждый член или кандидат партии, получивший ставку ответственного работника, обязан индивидуально выписывать один экземпляр «Красного Алтая». На двух рабочих, получивших ставку технического работника, должен был приходиться один экземпляр. Желательно было выписывать газету сразу на три месяца⁹. Стоит отметить, что статистические данные о распространении печати свидетельствуют о том, что партийная печать краевая и местная была очень слабо распространена среди членов и кандидатов РКП(б) Алтайской губернии. В связи с этим в 1925 г. в решении XIII съезда партии содержалось следующее положение: «Не должно быть ни одного партийца, не читающего книги или газеты». Поэтому для членов партии было необходимо выписывать «Известия Сибкрайкома» и «Красный Алтай»¹⁰. То есть «Красный Алтай» стано-

¹ Мансурова В.Д. «Красный Алтай» // Энциклопедия Алтайского края: в двух томах. Барнаул: Пикет, 1997. Т. 2. С. 196.

² ГААК. Ф. П-2. Оп. 5. Д. 296. Л. 7.

³ Там же. Д. 297. Л. 155.

⁴ Там же. Д. 296. Л. 7 об.

⁵ Там же. Д. 297. Л. 161.

⁶ Там же. Д. 296. Л. 60 об.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Д. 297. Л. 155.

⁹ Там же. Оп. 4. Д. 336. Л. 124.

¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 297. Л. 230.

вился одним из основных средств утверждения партийной идеологии на Алтае. К смешанному типу газет (для рабочих и крестьян) относилась и «Звезда Алтая»¹.

«Алтайская деревня» была ориентирована на крестьянство. Газета издавалась как еженедельное приложение к «Красному Алтаю», в таком же размере. Основными отделами газеты были: 1) Обзор политической и внутренней жизни за неделю; 2) По волостям и селам; 3) Сельскохозяйственный отдел с ветеринарией; 4) Кооперация; 5) Культурная работа; 6) Партийная жизнь деревни; 7) Уголок безбожника; 8) Разъяснение советских законов; 9) Библиография; 10) Почтовый ящик².

Газета «Красная степь» издавалась в г. Рубцове с 1922 г. Она была предназначена для крестьян, выходила по вторникам и пятницам. В 1924 г. круг читателей доходил до 313 578 чел.³

Также привлечены материалы из «Правды» – газеты, которая была влиятельным центральным партийным изданием.

В первую очередь, объясним, как в целом трактовалась религия в прессе Алтая в период становления советского строя. Она была представлена в качестве «могучего оружия капиталистов». Сторонники советской власти говорили о том, что религия нужна была самодержавию для того, чтобы «затемнять рабочие и крестьянские массы». Подчеркивалась несовместимость религии и коммунизма. Автор одной из статей заявлял: «Религия – рабство мысли»⁴. В то же время создавалась парадоксальная ситуация: коммунизм по сути своей был аналогичен религии. Известный философ Н.А. Бердяев писал: «Коммунизм, не как социальная система, а как религия, фанатически враждебен всякой религии и более всего христианской. Он сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни»⁵.

Суть коммунистической идеологии следует раскрыть через сравнительный атрибутивный и дискурсивный ряд, выделенный Л.И. Сосковец: «портреты – иконы, лозунги – хоругви, «Краткий курс» – Священное Писание, коммунизм – Царствие Небесное»⁶ и т.д. В псевдорелигиозном учении В.И. Ленин также занимал свою нишу. В прессе его называли пророком нового человечества, апостолом коммунизма, от которого зависели судьбы не только России, но и всего мира⁷.

Итак, псевдорелигия в первой половине 1920-х годов формировалась на тех же принципах, что и традиционная религия, существующая столетиями. Был выбран пророк человечества – В.И. Ленин, а также сформированы коммунистические каноны, которые являлись необходимой частью любого религиозного учения.

¹ ГААК. Ф.П-2 Оп. 5. Д. 296. Л. 14.

² Там же. Л. 54.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ Предпраздничное // Красная степь. 1923. 7 янв.

⁵ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/istoki/07.html>.

⁶ Сосковец Л.И. Общественное сознание в эпоху трансформаций: религия и коммунистическая идеология // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Томск, 2007. С. 37.

⁷ Ленин – апостол коммунизма // Красная степь. 1924. 12 фев.

Остановимся на сравнительном анализе основных религиозных обрядов и тех ритуалов, которые пришли им на смену в первой половине 1920-х годов: крещение – «октябрины», венчание – «красная свадьба», церковный похоронный обряд – «гражданские похороны».

Рождение ребенка испокон веков являлось важным событием для каждой семьи, а крещение – одним из основных ритуалов. Большевики понимали, что атеизация населения в одночасье невозможна, так как сложно сломать стереотипы, укорененные многовековым опытом. Поэтому на смену крестинам пришли «октябрины»¹ (пролетарские «крестины»² или «крестины с музыкой»³), которые широко пропагандировались на страницах газет. Значимость обряда для нового общества четко обозначена в центральных газетах. По мнению большевиков, крестины являлись признаком верности буржуазным отношениям, а «октябрины» символизировали торжественное приобщение ребенка к общественной солидарности своего класса. Таким образом, «октябрить» младенца – значило «дать присягу воспитывать не рабов для буржуазии, а бойцов против нее»⁴. К тому же, в прессе открыто писали о том, что «октябрины» – это один из действенных методов антирелигиозной пропаганды, так как семья с ребенком на руках, публично отвергающая крещение в церкви, сильнее действует на общественное сознание, чем десяток докладов и лекций на данную тему⁵.

В рассматриваемый период это явление вызывало интерес и ажиотаж: «Посмотреть на октябрины сбежалась вся Березовка»⁶, «октябрины проходили в изб-читальне, которая была переполнена крестьянами»⁷ и т.д.

Мероприятие проходило торжественно. Если проводить параллель с церковным крещением ребенка, то мы увидим прямую аналогию с ним «октябрин». Залы, в которых проходили подобные действия, торжественно украшались. Вместо церковного убранства были портреты вождей революции, разноцветные флажки и т.д. Роль священника играли представители райкома РКП(б) и других партийных организаций. Молитвы, читаемые во время крещения, заменялись «приветственными речами»⁸. Житель села Титовки Сокулин, передавая своего ребенка секретарю ячейки РКП(б), сказал: «Отдаю своего сына на пополнение рядов комсомола»⁹. В селе Боровском у гражданина Федорова родилась дочь. Он в 12 часов дня пригласил своих товарищей (членов партии и беспартийных), всего собралось не менее 18 чел. Избрали президиум: двух мужчин и двух женщин. Была

¹ Существовавший в первые годы в СССР обычай вместо крестин торжественно, в кругу гостей нарекать новорожденного именем.

² Дронова В.В. Социокультурная модернизация советского государства в рамках антирелигиозной политики в 1920–1930 гг. (на примере Тобольской епархии) // Государство, общество, церковь в истории России XX века... Иваново, 2011. Ч. 2. С. 66.

³ Октябрины на селе // Правда. 1924. 17 дек.

⁴ Ларин Ю. Крестины или октябрины (В порядке постановки вопроса) // Там же. 1924. 30 апр.

⁵ Черняк Е. «Октябрины» - не обряд, а антирелигиозная пропаганда // Там же. 1924. 30 апр.

⁶ В честь Ильича // Красная степь. 1924. 31 окт.

⁷ Октябрины в деревне // Там же. 1924. 7 мая.

⁸ В честь Ильича // Там же. 1924. 31 окт.

⁹ Октябрины в деревне // Там же. 1924. 7 мая.

зачитана повестка дня, в которой приоритетным вопросом стал выбор имени для новорожденной¹.

В коммунистической псевдорелигии были и свои крестные отцы и матери – «шефы». Шефство представляло собой систематические агитационные поездки заслуженных промышленных рабочих в деревни для просвещения и организации мелких производителей в товарищеские трудовые объединения. Основная цель шефства состояла в том, чтобы поднять материальный, культурный и технический уровень деревни до уровня города². Так, у новорожденного младенца Евсеева волостная организация женщин являлась «шефом» ребенка. На «октябринах» «шефу» было высказано пожелание: «воспитывать ребенка в коммунистическом духе»³.

Немаловажным вопросом был выбор имени для младенца. При крещении новорожденному давали имя святого, в день которого он родился. Во время «октябрин», как правило, детей называли в честь известных революционных деятелей: Владимира Ленина⁴, Клары Цеткин, Розы Люксембург⁵ и т.д.

Для того чтобы вызвать негативную реакцию у населения к церкви и настроить на обряды «нового советского быта» в статьях использовался концентрированная негативная информация, не всегда соответствовавшая действительности. Так, Сокулин, который «октябрил» своего второго ребенка, пережил трагедию – смерть первого. Виной всему, по словам автора статьи, было крещение, так как через два дня после церковного обряда у младенца тело покрылось болячками, а через два месяца он умер⁶. Октябрины в этом случае противопоставлены крестинам и представлены в качестве некоего спасительного ритуала, благодаря которому ребенок должен был удостоиться долгой и счастливой жизни, целью которой было служение Родине.

Свадебный обряд также являлся большевистским заимствованием из религиозных традиций. Большевики ввели такое понятие, как «Красная свадьба» или «Советская свадьба»⁷. Так, на страницах газет была описана свадьба курсанта Барнаульского рабфака Гребешкова и секретаря ячейки РКСМ Факушиной. Торжество было открыто докладом о новом быте и красных свадьбах, в котором доказывалось, «что не поповский венец дает тесный союз, а полное уважение друг к другу». Муж и жена рассматривались как «равноправные между собой товарищи». «Красная свадьба» закончилась пением революционных песен⁸.

Гражданские похороны тоже занимали немаловажное место в формирующихся социалистических обрядах. Газетные публикации, относящиеся к рассматриваемому вопросу, были пронизаны советской символикой. Традиционное надгробие с крестом менялось на памятник со звездой: «поставили памятник *со звездой*

¹ Первое крещение // Алтайская деревня. 1923. 7 дек.

² Всемирно-историческая культурная задача // Правда. 1925. 4 янв.

³ Новый быт // Красная степь. 1924. 23 мар.

⁴ В честь Ильича // Там же. 1924. 31 окт.

⁵ Первое крещение // Алтайская деревня. 1923. 7 дек.; Строим новый быт // Красная степь. 1924. 28 окт.

⁶ Октябрины в деревне // Красная степь. 1924. 7 мая.

⁷ Советская свадьба // Правда. 1923. 28 июля.

⁸ *Контакович Ф.* Красная свадьба в деревне // Красная степь. 1924. 5 фев.

[курсив мой – *Н.Б.*]»¹. К символике, являющейся частью формирующейся псевдорелигии, относится и марш, который использовался на похоронах: «звуки похоронного марша улетали далеко за село»²; «стройным хором местной коммуны был спет похоронный марш „Вы жертвою пали в борьбе роковой“»³. На могилах умерших выступали представители местных ячеек РКП(б) и члены союзов, которые озвучивали не только заслуги покойных, но и успевали прочитать антирелигиозные лекции⁴.

Интерес населения к советским обрядам имел не только духовную основу, но и материальную. Например, в центральных газетах сообщалось о том, что увеличение числа гражданских похорон происходило из-за попов, которые требовали с бедняков высокой платы за обряды⁵.

Контекст статей также способствовал внедрению атеистического сознания: «похоронили своего товарища без попа и ладана»⁶; «пробудилась общая гражданская сознательность – можно обходиться и без попа»⁷.

Итак, журналисты, ориентированные на советский быт, в газетной прессе Алтая первой половины 1920-х годов пытались сосредоточить внимание читателей на ошибочности религиозного сознания, предлагая взамен новую идеологию. Псевдорелигия представлена на страницах газет в парадоксальной форме. С одной стороны, мы видим ярого противника религиозных канонов. С другой стороны, религиозные обряды использовались как клише для адаптации коммунистической идеологии в обществе. Однако коренным образом изменить систему ценностей и традиционный быт в первой половине 1920-х годов не удалось, так как примеры замещения религиозных обрядов на коммунистические были единичны.

¹ Без попа и ладана // Молодежь Алтая. 1924. № 15.

² Там же.

³ Митяев. Гражданские похороны // Красный Алтай. 1923. № 142.

⁴ Чупринов Б. Похороны без попа // Звезда Алтая. 1923. 11 дек.

⁵ Гражданские похороны. За закрытие церковей // Правда. 1925. 10 янв.

⁶ Без попа и ладана // Молодежь Алтая. 1924. № 15.

⁷ Митяев. Гражданские похороны // Красный Алтай. 1923. № 142.